

Владимир Шенкман

Из цикла: ВРЕМЯ ЯЗЫКА

Пора двустийшей не пришла еще, но полно
Морозом мартовским наполнен тонкий стих
Строка надломлена, так льдинка произвольно
Продольным придыханьем гласных прописных

Наполнен день правописанием пологим
Чернеет трещина, трещит глагольный лед
И рифма рушится, и в предпоследнем слове
Уже заключены Нева и ледоход

День вслух читает, заикается, картавит
Строка затянута на звуках "а" и "о"
Как грач над Купчино, как обещание октавы
Полураскрытых губ — дыханье, вдох, окно.

//////////

Как бабочка, Набоков и любовь
Я говорю о синей позолоте
И храм воздухоплавательной плоти
Над головою,
 как ни прекословь

Как ни ищи, а все-таки душа
Играет на серебряной свирели
И рифма разоренья и апреля
Медлительна, легка и хороша

Вот вечер, бродят тени на стекле
И удлиняясь достигают крыши
И слово раскрывается и дышит,
Как бабочка, летящая во мгле

//////////

Я войду в черноземную плоть
Прямо горлом войду, одиноко
Изнурительный циркуль Востока
Мне отмерит — копать и полоть

Горький сельскохозяйственный дом
Просыпаюсь под собственный голос
Ротовая астральная полость
На ветру заплещет стихом

Что ж, мой тоненький плачущий станс
Я не верю, я лгу на изломе
Сам себе — да и в собственном доме
Ты один среди сфер и пространств

И взлетит удивленный скворец
Земляная червонная мякоть
Ты не веришь в свободу и плакать
Отродясь ты останешься здесь

Я мирам позавидовать мог
Не теперь — невзлетевшая стая,
Что мне делать, ответь мне, ты знаешь
Как я страшно смешно одинок

Если вниз посмотреть — как залог
Близко-близко земля под ногами
Но холодное звездное пламя
Омывает мой нежный висок

Как прозрачна височная кость
О, нежна черноземная мякоть
В горнем омуте шепотом окать
Мой в безвременьи сгинувший гость

Стынет вверх запрокинутый стих.
Безвозвратно ушедшие в бездну
Мне ли вас догонять — бесполезно,
Я канон пустоты не постиг

Не взойти по лучу и назад
Не спуститься к запевшему лесу
Я сгораю, на факел небесный
Материк поднимает глаза...

////////

По европейскому текучему ландшафту
Найдя отвесный разговорный поворот
Кровь обращается как контурная карта
И ищет имени, и настигает брод

Но даже если европейская столица
Как вдруг ужалонный эмеей Лаоксон
Среди развалин неотравленной приснится
То наяву напоминает страшный сон

Так Атлантида неосознанней и ближе
Предчувствует и дышит в океан
Варшава бьет в упор и нежный свет Парижа...
Прости нас Бог и сохрани от ближних дальних стран

Я сопричастен азиатскому удушью
И на меня уже надвинулись пески
Я пью из той реки, что забирает души
И ветер времени гудит в мои виски

Страшней пустыни кроет контурная карта
Валетов, королей, но самый звонкий блеф
Гудит в колокола — дожить бы хоть до марта
Как до истории играющей в семь треф

Когда бы кончить дни свои как Чаадаев
О, дом выский запрокинутых имен
Пусть желтый свет архитектуру освещает
И улица течет и плачет граммофон

Есть в мудрой описи неверное понятие
С пути свернувшее, сползающий ледник
И валуны как скандинавское заклятье
Не достигающее время и язык

По безвоздушному мосту почти обрыву
По плачу детскому, по стону и ною
Я ночь перехожу, по грудь вхожу в заливы
Как выстрел из ружья насквозь перехожу
Телесный сгусток дальнобойного разрыва,
Где в малой капельке пульсирует прибой
И бьется час и бьет как хвост огромной рыбы
Глаза выпучивая в омут мировой.